

Консервация и конструирование: поиск философии будущего в советской политической мысли

Известен тезис о том, что консерватизм подчас актуализируется тогда, когда консервировать из реальности оказывается нечего. Однако остаются и отчасти превращаются в материальную силу воспоминания, стиль, образы, которые боль утраты требует вернуть и привнести в измененную реальность. И когда мы говорим о консервации под таким углом зрения, мы не имеем в виду остановить ход истории и ход изменений.

Подспудно имеется в виду именно тезис Бердяева, приведенный полтора года назад в послании Федеральному Собранию Путиным. Тезис о том, что консерватизм мешает не движению вперед, а обрушению назад. То есть в этом отношении консервация рассматривается как начало конструктивности – конструктивности именно в смысле конструирования, строительства на принятой ценностной и смысловой базе. То есть субъект сознательного строительства, конструирования стремится сохранить то, что для него привычно, значимо и доказало свою ценность, и на основе этого сконструировать то общество, которое возьмет с собой все лучшее из реально накопленного.

Если мы посмотрим на базовую утопическую доктрину, давшую название явлению утопии, то есть «Утопию» Томаса Мора, которая стала исходной основой коммунистического проекта, то наряду с традиционной трактовкой, в первую очередь как утопической модели коммунизма, есть богатая традиция в исследовательской мысли, согласно которой та утопия была консервативной, являя собой попытку вернуться – Томас Мор был очень религиозным человеком – во времена несколько более ранние и смоделировать, как можно, не ломая существующий мир, разумно организовать общество. Кстати, по Морю, в этом коммунистическом обществе признавалось право на исповедание любого религиозного воззрения – кроме атеизма, который предполагалось запретить. Если мы посмотрим на мировоззрение первых коммунистических утопистов, то увидим интересную картину: Мор жизнь свою отдал за католическую веру, Кампанелла – монах, Уинстенли – религиозный пуританин, Мелье – священник, Мабли – воспитанник ордена иезуитов. Почему? Дело не в том, что, как иногда говорят, коммунизм рождается из религиозных постулатов, хотя в своем обращении к началам справедливости и коммунизм, и христианство оказываются родственны. Дело в том, что Утопия появляется на стыке эпох. Это, конечно, отрицание старого мира – но это и отрицание того, что первичным образом идет ему на смену.

Утопия возникает тогда, когда есть некий устоявшийся мир, со своими плюсами и минусами. И идет «вал прогресса», наступает новый мир. И этот но-

Черняховский Сергей Феликсович, доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: serfecher@mail.ru

вый мир, который, казалось бы, является тем, что мы назвали бы сейчас прогрессом, несет с собой те или иные моменты разрушения. Во времена Мора на место традиционных, относительно духовных отношений приходит мир частной собственности с выгодой, или, в иной терминологии, мир Традиции заменяется миром Модерна, аграрное общество сменяется обществом индустриальным – или: феодализм сменяется капитализмом.

В свое время В.Г. Графский выделял три основные формы обсуждения природы властных отношений: произведения политико-философские (диалоги Платона и трактаты Аристотеля – до «Философии права» Гегеля), политико-наставительные (биографии Плутарха, «Артхашастра» Каутильи – до «Государя» Макиавелли) и, особенно, мифопоэтические, художественно-образные, к которым он причисляет и древние мифы, и классические произведения политической мысли, подобные «Утопии» Т. Мора или «Новому прекрасному миру» О. Хаксли¹.

И конструирование, в чем-то вырастающее из идеи сохранения, берет с собой то, что оно хочет сохранить, берет то из наступающего, что неизбежно надо принять, но выстраивает альтернативу. Было аграрное традиционное общество. Начинает рождаться индустриальность с частной собственностью.

Получается, что не Зло сменяется Добром – а одна комбинация Добра и Зла сменяется другой комбинацией Добра и Зла. И утопия отвечает своим проектом: соединить Добро старое с Добром новым, от прошлого взять доброе, удалив злое, от будущего принять Добро, перешагнув через соединенное с ним Зло. Это конструирование пытается сказать: да, индустриальное общество мы принимаем, но с некоторой альтернативой тому виду, который приходит. И пытается представить, на самом деле, его новую, следующую фазу.

Утопия – ведь это не то, чего не может быть, утопия, по мысли Мора, – это то, чего нет, но что реально могло бы быть. Мор писал «Утопию», как и Макиавелли «Государя», не просто так, он писал это для Генриха сначала VII, потом VIII как проект того, каким образом улучшить английскую жизнь. Там все было рационально продумано и опиралось на традиции старой Англии.

Что значит создать утопию? *Не признавать, что мы живем в лучшем из миров; – принять вызов, согласившись на построение нового мира.*

Кто сможет сказать, что вряд ли возможно что-либо более романтическое, чем утопия? Но утопия – вовсе не благостная идиллия. Утопия – вызов, который бросают, принимают и отстаивают. И за который платят. Утопия – это не несуществующее и невозможное. Утопия – это то, чего нет в данное время и в данном месте. А значит то, что может быть создано. Иногда очень большой ценой.

Политика в конечном счете сводится к творению утопии – и созданию почвы для ее возникновения. *Утопия управляет политикой.* Все крупнейшие движения и акты исторического творчества были осуществлены потому, что существовала некая утопия, которая приводила в действие миллионные массы – единственного реального субъекта истории.

Утопия обладает способностью менять реальность – значит, она реальна и реалистична. Реальность создает Утопию. Значит, она ее требует, она с ней – одной крови. И поэтому *нет в конечном счете полной противоположности «реальной политики» и «политической утопии».*

Что можно признать реальной политикой? То, что рождается из реальности и творит реальность. Тогда прежде всего утопия – это реальная политика. Что значит быть настоящим романтиком в любом деле? Это, как говорилось в культовом советском фильме «Чародеи»: «Видеть цель. Не замечать препятствий. Верить в себя».

¹ См.: *Графский В.Г.* Представления о власти в историко-теоретической перспективе // История политической мысли и современность. М., 1983. С. 44–45.

На определенных этапах межцивилизационного перехода, как от аграрного общества к индустриальному, так и от индустриального к постиндустриальному, мы сталкиваемся с этапами великих утопических запросов, которые имеют три основных формата.

Первый. Возникает необходимость предложить некий идеальный политический конструкт – политическому сознанию в принципе свойственно это качество идеального альтернативного конструирования, причем зачастую опережающего.

Второй. Нет достаточного количества фактических данных и знаний, чтобы дать этот конструкт в рамках чистой рациональности.

Третий. Сама идея государства, общественного устройства, начинает выступать как идея эстетическая. В раннее Новое время, в период классицизма, государство понималось как идеальное государство, как определенная эстетическая категория, как начало прекрасного.

Мы можем говорить о двух таких периодах запроса. Первый хорошо нам известен – до XIX века. Второй – начало второй половины XX века – в значительной степени связан с политической мыслью советской, но нашедшей иную концептуальную форму выражения, чем академическая наука. Когда сейчас пытаются говорить о поисках в сфере советской политической философии и философии вообще, кто-то восторгается Ильенковым, кто-то – Момджаном.

Борис Межуев в недавней книге¹ прекрасно показал, как многие советские философы, искавшие развития теории, уходили в культурологию, уходили от реальных политических поисков.

Период 50–70-х годов XX века, время начала перехода от индустриального общества к постиндустриальному, тоже является периодом Великого утопического запроса. В этот период наряду с академической политической философией родилась другая ветвь политической философии – наряду с тем, что было в университетских центрах и что развивал Александр Митрофанович Ковалев в Московском университете, – появилась ветвь великих советских утопий, выраженных в научной фантастике 1950–1960-х годов.

Анализ этого направления политической философии требует отдельного внимания. Однако особо следует назвать четыре имени и четыре утопических проекта. Это прежде всего Георгий Мартынов, который первым начал писать, а потом отложил такую утопию («Гость из Бездны»). Это Иван Ефремов с его «Туманностью Андромеды». Это Стругацкие с их миром Полудня. И это Георгий Гуревич с его книгой «Мы – из Солнечной системы». Все они были связаны с конструкцией и философией будущего и тех проблем, которые могут возникнуть в грядущем, и различаются по ряду категорий и разделений будущей проблематики. То есть они рассматривают модели от альтернативной политической организации коммунистического общества до системы этических противоречий. Наиболее яркую картину дают Стругацкие. Они сказали в «Полудне» – «Вот это великое общество» – и, развивая свое построение и свой анализ, выдвинули постулат: великое не может быть мертвым, а жизнь всегда несет в себе противоречия. И они стали рисовать картину противоречий идеального общества.

«Попытка к бегству», «Далекая радуга», «Обитаемый остров», последующие произведения, рисующие мир Полудня, показывают: в этом мире будут свои проблемы, и к ним нужно быть готовыми.

Почему их любимой фразой была: «И сказали мне, что дорога эта ведет к океану смерти, я убоился и повернул обратно, и с тех пор стелются передо мной все глухие, кривые, окольные тропы»? Потому что они говорят: «Да, это общество для сегодняшнего дня идеальное, но для завтрашнего оно не будет

¹ Межуев Б.В. Перестройка-2. Опыт повторения. М.: Весь Мир, 2014.

идеальным, там будут огромнейшие проблемы, которые нам придется решать. Но если мы не пойдем этим путем, то получим проклятые миры: мир Саракша, мир планеты Гиганда, мир Града обреченного и так далее. И тут человеку придется выбирать: либо тупик, движение по кругу, либо путь к новым проблемам».

Они показали, по существу, что если человек испугается понимания неидеальности своего идеала и остановится в своем движении к нему, то окажется в тупике, будет обречен на постоянное блуждание в лабиринтах отжившего. Испугавшийся будущего его же и недостоин – как, впрочем, и настоящего.

Мы часто используем слова «футурология», «прогнозирование», «утопия» и гораздо реже – «философия будущего», с которыми в академической науке связаны имена Моисеева и Панарина. В чем отличие между прогнозированием и философией будущего? Прогнозирование рисует мир, как автоматически в своем развитии воспроизводящий существующие постулаты и подчиненный им. Философия будущего строит мир, предполагающий возможность изменения существующих постулатов, возможность подчинить его выбору своих предпочтений. Об этом и писал Панарин: «Давайте сначала сконструируем постулаты, которые мы из прошлого переносим в будущее, и развиваем общество дальше».

В очень интересной книге по теории искусства «Балет и драма» трактуется принципиальное различие этих видов искусства: балет – это синхронное искусство, показывающее ситуацию в статике, драма – динамическое, показывающее развитие ситуации в динамике. В первом случае сюжет малозначим, важен показ ситуации с разных сторон. Драма – дает развитие.

В этом отношении, представляется целесообразным – в том числе и в поисках, связанных с консерватизмом, – искать статику: что же говорили те или иные консерваторы в тот или иной момент в той или иной работе. Это – как балет интеллектуального поиска. Но это именно то, в чем утонула советская общественная мысль, которая вместо развития и поиска нового занималась выяснением, что еще сказали Маркс, Ленин, Лассаль, Плеханов...

Проблема же заключается в том, а что мы хотим сконструировать, что из прошлого мы хотим взять в будущее и построить ту картину, которая отвечает на наш запрос идентификации и сбережения – но сбережения в развиваемом нами мире.

И тут главный момент – остаться самими собой, сохранить свои ценности и тождества, создав новый облик мира. Это – центральный момент поиска. Вновь вспомним Бердяева: задача консерватизма не мешать движению в будущее, а уберечь от упадка в прошлое.

«Ваша совесть подвигает вас на изменение порядка вещей, то есть на нарушение законов этого порядка, определяемых стремлениями масс, то есть на изменение стремлений масс по образу и подобию ваших стремлений. Это смешно и антиисторично. Ваш затуманенный и оглушенный совестью разум утратил способность отличать реальное благо масс от воображаемого, продиктованного вашей совестью. А разум нужно держать в чистоте. Не хотите, не можете – что ж, тем хуже для вас. И не только для вас. Вы скажете, что в том мире, откуда вы пришли, люди не могут жить с нечистой совестью. Что ж, перестаньте жить. Это тоже неплохой выход – и для вас, и для других...

Совесть действительно задает идеалы. Но идеалы потому так и называются, что находятся в разительном несоответствии с действительностью. Я ведь только это и хочу сказать, только это и повторяю: не следует нянчиться со своей совестью, надо почаще подставлять ее пыльному сквознячку новой действительности и не бояться появления на ней пятнышек и грубой корочки...

Действуйте. Только пусть ваша совесть не мешает вам ясно мыслить, а ваш разум не стесняется, когда нужно, отстранить совесть...».

А. и Б. Стругацкие «Обитаемый остров»

Мир и его базовые ценности сохраняет не тот, кто грезит и проповедует благость путей к достижению благой цели... В чем сохранение значимого, если желаемое однозначно привлекательно, сладостно и без напряжения достижимо?

Сохранение идентичности в том, чтобы видеть цель и грезить о ней, одновременно напрягая все мышцы и нервы, срывая ногти и ломая ноги – но не отказываться от движения к ней. Последнее – сущий реализм. Реализм – это средство утверждения романтизма.

Существует три типа политических деятелей. Первый – тот, кто рассматривает власть как средство осуществления Мечты, Проекта, Утопии. Второй – тот, для кого власть – смысл всей деятельности. Третий – для кого власть – средство достижения конкретных благ для себя и своего окружения.

Первый всегда одержит победу и над вторым, и над третьим. Второй – уступит первому и победит третьего. Есть, правда, еще и четвертый – тот, кто чувствует, что странным стечением обстоятельств получил в руки власть, и знает, что нужно что-либо совершить, – но вот не знает, что именно.

Средства не могут доминировать над целями. Не могут подчинять их себе. *Цель всегда выше и важнее средств.* Романтика и реалистичность в политике никогда не противоречат друг другу, если в стремлении к своим целям оставаться верным им и быть последовательным в действиях.

Сохранение – правильный выбор цели. Реалистичность – правильный выбор необходимых для их достижений средств. *Политика в известном смысле лишь тогда остается политикой, когда она является романтикой.* Потому что иначе она отказывается от центрального для самого себя компонента – полисности. От своей значимости для чего-то большего, нежели твои собственные интересы.

